

ЛАДА СОЛЬ

«Братя»

ОПЕРАЦИЯ

ИЛИ КАК МЫ ЖЕНИЛИ ОТЦА

Лада Соль

Операция "Батя", или как мы женили отца

<https://litres.ru/74085133>

SelfPub; 2026

Аннотация

— А нука стоять! — рявкаю на своих оболтусов и пытаюсь сфокусировать зрение на объекте в гостиной. — Это что? — тычу пальцем в сторону сидящей на моём диване незнакомой девушки.

— Бать, ты только не нервничай – начинает Кир

— Мы тут подумали, — подхватывает Яр.

— И решили

— Она красивая

— Молодая

— Уже даже в свадебном платье!

— Яр, блин, — Кир, вероятно, уже подметил моё выражение лица и шикает на своего брата.

— Ой, да ну тебя, зануда! — Ярик машет на брата и каждое слово произносит возмущённым тоном моей мамы. — Мы её честно отбили. Замуж она выйти не успела, так что принимай, бать. Мы согласны!

Сложно быть отцом. А отцом-одиночкой в сотни раз сложнее!
Я вернулся домой, в надежде, что мой последний воспитательный процесс принёс свои плоды, а он принёс мне ещё одну головную боль! Или может это моё спасение?

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лада Соль

Операция "Батя", или как мы женили отца

— А ну-ка стоять! — рывкаю на своих оболтусов и пытаюсь сфокусировать зрение на объекте в гостиной. — Это что? — тычу пальцем в сторону сидящей на моём диване незнакомой девушки.

— Бать, ты только не нервничай... — начинает Кир

— Мы тут подумали, — подхватывает Яр.

— И решили...

— Она красивая...

— Молодая...

— Уже даже в свадебном платье!

— Яр, блин, — Кир, вероятно, уже подметил моё выражение лица и шикает на своего брата.

— Ой, да ну тебя, зануда! — Ярик машет на брата и каждое слово произносит возмущённым тоном моей мамы. — Мы её честно отбили. Замуж она выйти не успела, так что принимай, бать. Мы согласны!

Сложно быть отцом. А отцом-одиночкой в сотни раз сложнее! Я вернулся домой, в надежде, что мой последний воспитательный процесс принёс свои плоды, а он принёс мне

ещё одну головную боль! Или может это моё спасение?

Глава 1

Начало «ДА ЗА ЧТО МНЕ ВСЁ ЭТО!»:

— А ну-ка стоять! — рывкаю на своих оболтусов и пытаюсь сфокусировать зрение на объекте в гостиной. — Это что? — тычу пальцем в сторону сидящей на моём диване девушки.

И ладно, я бы, может, и спихнул это на то, что мои двенадцатилетние пацаны решили познакомиться с кем-то, но уж больно она взрослая для них. Слишком переспелая ягодка!

Но мои парни пытались оперативно улизнуть на второй этаж, как только услышали, как я вошёл в дом. И кто бы что ни говорил, что у мужиков нет шестого чувства или что мы не умеем справляться с детьми, враньё всё! По спине сразу пробежал холод от того, с какой скоростью пацаны рванули с места. И не зря, нужно сказать!

— Бать, ты только не нервничай, — в разговор вступает Кир, поднимая в примирительном жесте обе руки ладонями вперёд, а я подмечаю, что у него серый скотч на пальцах прилип.

Строительный!

Снова бросаю взгляд на эту лебедь на диване, и прямо подташнивать начинает от того, что сейчас она может сидеть связанная, потому что руки у неё и правда заведены за спину

как-то слишком странно. А вот глазища... Огромные, светло-зелёные, смотрят на меня так, будто я Синяя Борода и сейчас буду... Не знаю, что я буду, но нервы уже звенят!

— Мы тут подумали, — подхватывает Яр.

— И решили... — Мои пацаны, как с самого рождения начали говорить вот так в два голоса, так по сей день и продолжают. Учителя уже привыкли, а у новеньких периодически дёргается глаз — или оба. Но и они привыкают.

— Она красивая...

— Молодая...

— Уже даже в свадебном платье! — Яр, который больше любит сначала действовать, а потом уже разговаривать, тычет уверенно в сторону нового объекта в нашем доме и так довольно улыбается, будто золото выиграл на соревновании!

— Яр, блин, — Кир, вероятно, уже подметил моё выражение лица и шикает на своего брата, чтобы тот выключил рекламу незапланированного меню на сегодня.

— Ой, да ну тебя, зануда! — Ярик машет на брата и каждое слово произносит возмущённым тоном моей мамы. Даже фраза её! — Мы её честно отбили. Замуж она выйти не успела, так что принимай, бать. Мы согласны!

И он ещё и кивает так довольно, будто уже всё решил. Все проблемы одним действием. А вот Кир, пускай он и младше брата на десять минут, только прикладывает ладонь ко лбу и, тяжело вздохнув, качает головой!

Господи, дай мне ума, чтобы я не открыл сейчас свой рот,

так как пацаны-то, может, и поймут, а вот то бледное создание, что сейчас сидит на диване и по цвету кожи уже сравнялось со своим платьем, точно не оценит мои воспитательные методы. А мне проблемы ну никак не нужны!

— Боже, где я согрешил? — стону я и задираю голову к потолку.

— Бать, ну если не нравится, мы тебе другую найдём, — слышу тихий голос одного из сыновей и понимаю, что нервный тик ко мне вернулся в полном объёме.

Загрузка произошла успешно! Сейчас будет некрасиво и громко!

— Уходим, — слышу ещё один шёпот и понимаю, что первое всё же сказал Яр. За здравый смысл в этом дуэте отвечает Кир.

— Бать, если нужно будет помочь от тела избавиться, ты позови, — уже чётко произносит Яр, а я вздрагиваю и бросаю взгляд на пацанов, которые уже на ступеньках стоят.

— Понял! — Яр поднимает руки вперёд, как его брат ещё несколько минут назад, а через секунду уже первый несётся наверх.

Так, нужно успокоиться. Это просто... Как там родительница моя говорит: «Ретроградный Меркурий или Луна в созвездии Собаки»? Вот у меня примерно такое состояние сейчас. Собачье. А ведь надеялся, что вчерашний вечер прошёл отлично и мои парни поняли, что нельзя себя так вести, как они любят, потому что чем старше они становятся, тем боль-

ше с них будет ответственности. И они же кивали мне! Соглашались, мелкотня такая!

«Эх, Настя, ты бы точно смогла найти подход к ним», — мысленно обращаюсь к жене и бросаю взгляд на картину, что висит на стене как раз за диваном.

Нужно включить мозг и попытаться понять, что мои пациенты ещё учудили. Делаю шаг в гостиную, а вот неожиданная гостья икает так, что подпрыгивает на месте.

И, вероятно, это точно звёзды где-то не там свернули, или кометы, или какие там могут быть ещё космические тела, что причиняют неудобства. Но после прыжка это создание начинает заваливаться набок, падая на самый край дивана, а следом сразу же на пол, так как руки она выставить не может.

Связаны, чтоб их!

Шлёп — и тихое скуление или всхлип, непонятно. Но я уже стою над этим облаком белой лёгкой ткани, которое торчит вверх явно мягким местом, и, склонившись, ловко подхватываю это чудо.

Ставлю на ноги, но она снова начинает заваливаться. Стараюсь не материться, только тихо перечисляю более-менее приличный словарный запас, но очередной ик от девушки и то, как её начало трясти, говорит мне о том, что её это не утешает.

Осматриваю руки и подмечаю тот самый серый скотч, остатки которого заметил на руках у Кирюхи. Разматываю руки, слушая скуление девушки, и жду, что она сейчас нач-

нёт угрожать, ругаться, драться, в конце концов. Но ничего не происходит.

Она мне еле доходит до подбородка ростом. Мелкая такая, лёгенькая. А ещё приятно пахнет.

Так, остановись, Тим! Никаких запахов и так далее по списку! У тебя ещё воспитательный процесс не окончен!

Закончив с руками, беру её за плечи и разворачиваю к себе лицом, а она голову опускает ещё ниже и тихо пищит:

— Ещё ноги.

— Что? — не понимаю я.

— Ноги тоже связаны, — вот теперь она произносит чуть громче, но по голосу понимаю, что она сейчас разрыдается.

— Спокойно, только без слёз! — произношу я твёрдо и усаживаю это чудо на диван, сам же быстро присаживаюсь на корточки и пытаюсь добраться до ног сквозь эти облака ткани.

— Не нужно, — уже натурально всхлипывает девушка. — Я... с-сама, — заикаясь, добавляет.

— Да сиди ты уже! — не выдерживаю я, понимая, что мои нервы на пределе.

И то, что я уже несколько минут повторяю фразу «Я хороший отец и взрослый мужчина. Должен спокойно принимать вызовы судьбы», ни разу не работает!

— Не кричите на меня! — чётко произносит это чудо, заставляя меня немного опешить.

Поднимаю на неё взгляд, а она закрывает своё лицо ладо-

нями и начинает рыдать.

И что я должен сейчас сделать? Как мне спасти моих несовершеннолетних и несовершенно умных детей от срока за похищение... невесты?

Глава 2

За 24 часа до начала:

Подъезжаю к школе сыновей, а в машине фоном звучит спокойный голос мамы:

— Тимофей, ты должен быть ответственным отцом. Ты же понимаешь, что школа — это не место, где они могут отрабатывать все приёмы и навыки, которые ты им так заботливо вкладываешь в головы?

— Конечно, мама, — отвечаю я и чуть сильнее, чем нужно, сжимаю руль руками.

Лёгкий скрип кожи немного отрезвляет. Глубоко вдыхаю и стараюсь выдохнуть так, чтобы моя родительница ни в коем случае не услышала.

— Тимофей, прекрати скрипеть рулём, — её голос не повышается ни на децибел, зато напряжение сразу же проносится по салону.

— Мама, если ты закончила, я пошёл узнавать, сколько в этот раз мне обойдётся шалость моих детей, — решаю прервать воспитательную беседу.

Не в том я возрасте, чтобы выслушивать такие лекции от родительницы. Сам уже такие провожу, да толку!

— Сынок, — вот теперь мама выключает свою манерную натуру и переключается на обычную маму. С этой её стороной я могу хотя бы договориться. — Ты сам их делаешь та-

кими. Ты же можешь не так сильно их гонять? Да и все эти спортивные секции... Тим, ну посмотри, что с тобой сделал такой образ жизни.

Ничего не сделал! Вытащил из дерьма, в которое я себя закапывал планомерно после гибели отца. Так что я лучше побуду тем самым родителем, который гонит своих детей, чем буду потом смотреть, как они карабкаются, не понимая ничего!

— Мама, если я не научу своих оболтусов уму-разуму, их научит улица. Не мне тебе говорить, что эта учёба слишком... специфическая.

— Ладно, — нехотя соглашается мама. — Тогда я приеду сегодня и привезу мальчишкам...

— Нет, ты сегодня не приедешь! — вот теперь я отрезаю. — И ничего не привезёшь. Они уже наказаны.

— Ты ещё не знаешь, что они сделали, Тимофей! — грозно возмущается мама.

И вот как понять эту женщину, которая сначала ругает меня за неправильное воспитание сыновей, а теперь хочет приехать и нарушить этот самый процесс?

— Вот сейчас как раз время пойти и узнать, что случилось, — отвечаю маме. — А ты приезжай на выходных. Тогда и сможешь пожалеть их.

— Тимофей! — вот теперь голос мамы стал выше и предупреждающе, но я уже нажал отбой.

Мне нужно настроиться, чтобы показать себя как пример-

ного отца перед директором школы, Виолой Альбертовной, а я вот ни разу не спокоен сейчас.

Мало того что на работе вынесли весь мозг. Так ещё и прямо посреди общего собрания, где я от чистого сердца и с расстановкой объяснял моему небольшому коллективу, к чему приведёт нас халатность через пару месяцев, мне позволила Виола Альбертовна и настоятельно попросила явиться в школу.

Нужно сказать, что в этом месяце это только третий вызов, но, если взять во внимание, что я не готов снова искать новую школу своим пацанам, тем более что сама Виола Альбертовна по просьбе моей родительницы взяла мальчиков в эту школу, — это слишком много вызовов!

Вдох, выдох — и я вышел из машины. Семь минут — и я уже стучу в кабинет директора. Самое интересное, что уже даже охрана меня пропускает как своего.

— Входите! — громкий, немного хриловатый голос Виолы Альбертовны раздаётся из-за двери.

Толкаю её и, только сделав шаг, сразу подмечаю, что мои парни стоят перед столом директрисы. На её столе лежат бита и рогатка, а рядом с Виолой Альбертовной стоит молодой парень. Хотя, если судить по его тёмно-синему спортивному костюму, белым кроссовкам и железному свистку, который висит на длинной цепочке на шее, то, скорее всего, это тот самый молодой физрук, который уже месяц достаёт моих пацанов.

— Добрый день, — здороваюсь я и подхожу к парням.

Яр и Кир одновременно поднимают на меня взгляд, кивают в унисон и снова опускают головы. И всё молча.

Ага, значит, виноватыми они себя не считают. Никакого раскаяния в глазах сыновей нет — значит, у них снова была своя «борьба за справедливость».

— Добрый день, Тимофей Савельевич, — кивает на моё приветствие Виола Альбертовна, машинально поправляя ворот белой блузки под тёмно-зелёным пиджаком и взбивая пышный пучок на голове.

Поднимаю взгляд на физрука, который всё это время молчит и только брезгливым и слишком высокомерным взглядом смотрит на моих пацанов. Понимаю, что здороваться он не собирается.

Спокойно, Тим! Всё не так страшно. Этот парниша явно только после педа. Ну ничего страшного, что он слишком худой и слишком... похож на того, кого дразнили всю школьную жизнь, и теперь он пришёл в школу работать, чтобы отрываться на детях.

И да, я редко ошибаюсь в таких выводах!

— Что случилось, Виола Альбертовна? — спрашиваю, понимая, что физрук уже в предвкушении оторваться по полной на моих парнях, из-за чего непроизвольно сжимаются кулаки.

— Тимофей Савельевич, ваши ребята сорвали урок физкультуры, — вздыхает директриса.

Вот она как раз смотрит на меня всё это время.

— И в чём заключается срыв? И давайте сразу вы мне всё выложите, вплоть до того, какой ущерб был нанесён, — перехожу сразу на деловой разговор, прекрасно понимая, что Яр + Кир не могут идти без полного комплекта в виде вреда чему-то.

— Привык, что всё можно купить? — слышу эту фразу и понимаю, что у кого-то явно проблемы. И это не мои пацаны.

В кабинете повисает тишина такая, что даже Виола Альбертовна перестаёт дышать. А Яр с Киrom быстро переводят взгляд с меня на физрука, который сейчас стоит через стол и кресло директрисы от меня, вздёрнул слишком острый подбородок и оскалился так, что напоминает блохастого, плешивого кота, который сейчас лишится... того самого!

— Ярослав, Кирилл, выйдите за дверь. Два шага от неё вдоль стены и ждите меня. Это не займёт много времени, — спокойно говорю парням и с превеликим удовольствием подмечаю, как молодой, недолюбленный физрук нервно сглатывает, а по его виску стекает капелька пота.

— Тимофей Савельевич, — чуть выше, чем положено, произносит Виола Альбертовна, но я её перебиваю.

— Сейчас всё решим, Виола Альбертовна!

Глава 3

Что нужно соблюдать: принципы или правила общества?

Мне не нужно следить, чтобы парни точно вышли в коридор и плотно прикрыли дверь. Когда нужно, точнее, почти всегда, когда нужно, инстинкт самосохранения у сыновей включается на полную мощность.

Щелчок закрытой двери срабатывает как спусковой механизм.

— Я так понимаю, вы и есть тот самый новый физрук, который уже месяц третирует моих пацанов, — и я не спрашиваю, утверждаю и прямо смотрю на этого педагога, который должен чему-то научить моих детей.

Нет, я не тот, кто считает, что только мои дети всегда правы и только они имеют права, а у учителей их нет. Я всегда за воспитательный процесс, за учёбу и даже в страшном сне не хочу представлять, каково учителям, которые работают в школе всю жизнь!

Но то, что я вижу перед собой сейчас, на педагога не тянет!

— Тимофей Савельевич, — Виола Альбертовна поднимается со своего места и становится так, чтобы прикрыть собой физрука, — давайте мы не будем переходить на личности. Вы сами прекрасно знаете, какие мальчики у вас.

— Конечно, знаю, — киваю ей в ответ, бросаю быстрый взгляд и снова возвращаю его на уже бледного физрука. — Но почему-то ни об одном преподавателе мои парни ни разу не сказали, что им было сказано, чтобы рот открывали только со своими тренерами, а здесь — закон: учитель физкультуры.

— Что? — нервно переспрашивает Виола Альбертовна. — Этого не может быть. Ваши мальчики явно что-то перепутали. Сергей Петрович — очень компетентный молодой специалист.

— Сомневаюсь, — отвечаю ровно и жду. Если верить моей интуиции, ещё пара фраз — и этого «очень компетентного специалиста» прорвёт. — Виола Альбертовна, вы сейчас хотите сказать, что мои парни соврали? Кому, как не вам, знать, что врать они точно не будут. А вот затаить обиду могут. Ах да, когда обижают их тренера, они тоже терпеть не будут. Этот преподаватель привёл моих сыновей уже не к одной победе.

— Теперь понятно, в кого эти два исчадия! Готовьтесь встать на учёт! — зашипел Сергей Петрович, как представила его Виола Альбертовна. — Растите таких же, как и сам? А что же твоя женушка не явилась? Может, она бы смогла...

— Закрой свой рот! — рыкнул я, а сердце ударило старой болью.

— Сергей Петрович, прошу соблюдать уважительное отношение к нашим родителям! — взвизгнула одновременно

со мной Виола Альбертовна.

Но я уже сделал несколько шагов и обошёл стол за секунду. Нужно отдать должное: этот стручок оказался довольно быстрым. Он оказался с противоположной стороны стола быстрее, чем я моргнул.

— Жизнь научила удирать, да, физрук? — холодно спрашиваю, замечая панику в глазах этого Петровича.

На языке крутится столько всего, что в приличном общении и в стенах учебного заведения произносить нельзя. А вот в мыслях, очень даже нужно. Особенно когда понимаешь, что кто-то явно не понимает: пока он в стенах школы, ему бояться нечего, а вот за её пределами... всякое может быть.

— Тимофей Савельевич, прошу простить Сергея Петровича, но ваши мальчишки... — начинает тараторить Виола Альбертовна.

— Виола Альбертовна, это не по-мужски, когда женщина извиняется за проступки сильного пола, не находите? — смотрю на эту умную и правильную женщину. И даже жаль её. — Пришлите мне счёт, всё оплачу. А вот сотрудников посоветовал бы вам подбирать более качественно. Личные вещи забираю, — делаю шаг к столу Виолы Альбертовны, а этот физрук отпрыгивает к окну.

И непонятно: то ли он собрался драться, то ли выпрыгивать в то самое окно.

Беру со стола битую и рогатку. Молча направляюсь к двери.

И уже открыв её, оборачиваюсь и подмечаю довольно странный взгляд Виолы Альбертовны на этого физрука. Будто она его уже казнила, а он только ниже голову опускает.

— Всего доброго.

— Всего доброго, — быстро переключается Виола Альбертовна, быстро переключаясь, и даже умудряется улыбнуться мне.

Нужно будет попросить одного моего очень хорошего знакомого пробить этого физрука. Что-то в нём меня напрягает.

Выхожу за дверь и, прикрыв её плотно, смотрю на сыновей. В руке сжимаю биты и рогатку. Парни смотрят на меня внимательно, но в них ни грамма раскаяния в глазах.

— В машину, — строго произношу я.

— Нам за рюкзаками ещё нужно зайти, — твёрдо произносит Кир.

— Вперёд. У вас десять минут, — киваю в сторону пустого коридора.

Парни кивают и убегают в сторону своего класса, а я иду на парковку. И это ещё не конец. Мне теперь предстоит узнать, что они на самом деле сделали. Вот только для начала нужно успокоиться и не строить план казни этого идиота, который точно возомнил себя котом, у которого девять жизней.

Сажусь за руль и растираю грудь в области сердца рукой. В памяти сразу же всплывает образ Насти. Она бы нашла подход к мальчишкам.

— Настя, мне иногда кажется, что ты бросила меня в самый сложный момент, — тихо выдохнул я в пустоту салона. — А иногда я просто не вывожу.

Прикрываю глаза, пытаюсь унять боль, которая так и не прошла спустя столько лет.

Задние дверцы открылись одновременно, и в полной тишине парни сели на свои места. Захлопнули двери и тяжело вздохнули. Одновременно.

Молчание в машине достигло своего пика буквально через две минуты. Я молчу, понимая, что сейчас могу сорваться и наорать, а ведь так пока и не узнал, что же они сделали. А парни молчат, потому что «друг друга сдавать нельзя»!

— Бать, давай, прежде чем ты озвучишь нам своё наказание, я всё же скажу, что мы сделали так, как нужно было, — голос Кира прозвучал ровно, будто он сейчас даёт мне отчёт по проделанной работе.

— И если бы он продолжал задирать нас, мы бы ничего не сделали! — добавил уверенно Яр.

Оборачиваюсь к сыновьям и пытаюсь понять: это сейчас шутка или серьёзно? Почему никто не может создать инструкцию по воспитанию детей? И желательно именно переходного возраста — с десяти до пятнадцати лет. С мелкими ими было проще: я мог хотя бы направить их неуёмную энергию в нужное русло.

А сейчас...

— Что сделали? Чётко и по полочкам, — спрашиваю я и

даже знаю, что сейчас будет.

Пацаны переглядываются. Синхронно вздыхают. Кивают друг другу и опускают виновато головы.

— Мы сыграли в бейсбол в спортзале, — начал Кир, и я бы даже спросил, в чём же проблема? Но, зная сыновей, понимаю, что это только верхушка. Поэтому жду дальше.

— С водяными шариками, — добавил Яр.

— В них была краска, — ответил Кир.

Они оба подняли головы и прямо уставились мне в глаза.

— Бать, он заслужил! — добавил Яр, а я подметил, как он сжал руки в кулаки.

— Он начал доставать девочек, — добавил Кир, понимая, что я жду ответа.

Но от ответа сына мне стало не по себе. Вот теперь во мне желание вернуться и всё же разок встряхнуть этого... как бы подобрать приличное слово... учителя, вероятно, стало в разы выше.

Глава 4

Когда кажется, что жизнь рухнула:

— А ты что думала? Я буду ждать, пока мы поженимся?

— смотрю на искажённое лицо моего...

Я даже не знаю, кто он для меня теперь, но точно не жених. А ведь я уже договорилась с хозяйкой квартиры, у которой снимала её, что завтра буду перевозить вещи к своему жениху. У нас же свадьба через неделю! Должна была быть!

— Я мужик, ясно! — фыркнул высокомерно Серёжа, хотя он терпеть не может, когда я его так называю. — И мне нужна разрядка! А ты... — он развернулся к одной из примерочных, в которой он решил уединиться, пока я была на финальной примерке свадебного платья, — иди и сними платье. Не испачкай. Ты должна быть идеальной.

Как я умудрилась не разрыдаться прямо в свадебном салоне, даже представить не могу. Но зато я от души врезала пощёчину Сергею, и, пока он приходил в себя от шока, сорвала свою куртку с плечиков и выскочила на улицу.

Нет, я не буду плакать! Я должна быть сильной! Не так меня мама и папа воспитывали! И вообще...

Да только ничего не получается. Всё, что я себе говорю, шагая по улице, где весеннее солнце больше не улыбается, а ветерок не свежий, а такой, что пробирает до костей, не

успокаивает, а только сильнее расстраивает.

Как такое могло произойти со мной? Я же всегда была примерной, воспитанной девушкой. Хорошо училась, закончила школу с медалью, потом поступила, куда и мечтала. Я всегда хотела учить детей.

Всегда видела себя учителем, хотя мама и папа до последнего смотрели на мой выбор скептически. Ну куда мне, дочери потомственных геологов, которые объездили половину мира, быть учителем? Я должна была любить их работу, а мне она никогда не нравилась.

И вот я дипломированный специалист. Уже даже успела зарекомендовать себя на работе. С начала нового учебного года у меня должен быть уже собственный класс. Но...

Останавливаюсь, осматриваюсь по сторонам и, заметив небольшой сквер, сворачиваю туда. Домой я точно не готова возвращаться. Да и после всего, что я увидела и узнала сегодня, ничего не будет!

Нужно будет... Боже, да мне теперь всё с начала начинать! А завтра на работу. И как я буду смотреть в глаза коллегам, которых пригласила на свадьбу? А мама с папой, родственники, которые должны начать приезжать уже в пятницу...

— Какой позор, — всхлипнула я и, усевшись на лавочку в пустом сквере, закрыла лицо руками и разрыдалась.

Не знаю, сколько я так сидела, но пришла в себя от того, что меня кто-то тронул за плечо. Я даже боюсь представить, как выгляжу сейчас. Учитывая, что, когда я плачу, мой нос

всегда распухает, а глаза превращаются в два красных пятна на светлом лице.

— Вас кто-то обидел? — спрашивает у меня мальчик лет одиннадцати-тринадцати.

Из-под шапки выглядывают русые волосы, а яркие синие глаза слишком внимательно изучают меня.

— Может, вам помощь нужна? Вы не потерялись, случайно? — спрашивает второй мальчик.

А я только сейчас понимаю, что они почти одинаковые. Только некоторые черты немного отличаются. А ещё один из мальчиков чуть выше другого. Да и улыбаются они по-разному.

— Нет, что вы, — улыбаюсь я в ответ, нервно вытирая лицо руками. — Я... — Смотрю на мальчиков, а они синхронно склоняют головы друг к другу и внимательно смотрят на меня. — Я просто... — И что я должна сказать сейчас детям?

Что я застала своего несостоявшегося мужа за изменой? Или моя жизнь резко окрасилась чёрным цветом, и человек, который был таким внимательным, заботливым и любящим весь год, красиво признавался в любви и делал самое романтическое предложение, оказался предателем?

— А у нас папа задерживается! — неожиданно говорит один из мальчиков и улыбается так заразительно, что я невольно копирую его выражение лица.

— А нам нельзя одним домой ехать, — подхватывает второй.

— Вы можете нам помочь? — в один голос спрашивают мальчишки и смотрят на меня так, что я не могу им отказать.

Да и моя профессия обязывает пообщаться с родителями мальчиков. Разве можно оставлять детей без присмотра? Это же безответственно. Я даже на какое-то время забываю о том, что со мной сегодня произошло.

— А как вас зовут? У вас есть номер телефона кого-то из родителей? — спрашиваю я и поднимаюсь со скамейки.

— У нас есть только папа, но он слишком занят работой, — отвечает один из мальчиков. — Меня зовут Кирилл Князев.

— А меня Ярослав Князев, — представляется второй мальчик, становясь рядом со мной.

— А меня Венера, — улыбаюсь мальчишкам.

Они замирают на секунду, округляя глаза от удивления. Да, многие так реагируют на моё имя.

— Как планету? — в один голос задают мальчишки вопрос, а я довольно улыбаюсь и киваю им.

— Да, как планету.

— Тогда это точно судьба! — так же в один голос отвечают мальчишки, хлопают друг друга по руке, давая «пять», и кивают друг другу. — Нам подходит!

От восторга в глазах мальчиков, огня и счастливых лиц, меня накрывает смущение. Я даже на какое-то время забываю о том, что со мной происходило сегодня, и почему я оказалась в этом сквере.

– Давайте вы нам поможете добраться домой, а мы вас чаем угостим, – предлагает Кирилл, который первый представился мне.

– А ещё у нас есть вкусный пирог. Мы вчера пекли, – добавляет Ярослав.

– Сами пекли? – улыбаюсь мальчикам, а они опять синхронно кивают. – Вы двойняшки? – решаю подтвердить свою догадку, и снова получаю довольный кивок и самые яркие улыбки, которые я только могла видеть у мальчишек такого возраста.

Чаще всего, мальчики, которые входят в переходной возраст, становятся немного невыносимы, угрюмы, слишком самостоятельны. А вот эти два мальчика очень внимательны, и даже помощь готовы предложить.

– Ладно, говорите ваш адрес, и давайте всё же попробуем связаться с вашим папой, – предлагаю я, и проверяя свой наряд.

Боже, и как я выгляжу со стороны? Сбежавшая невеста? Или какая-то больная?

– Папа сегодня в не зоны доступа, – отвечает мне Кирилл и протягивает мне руку.

– А вы сбежали со свадьбы? – почти сразу задаётся вопрос Ярослав и сам берёт меня за руку.

– Нет, от жениха, – отвечаю и чувствую, как сердце сжимает от свежей боли.

– Он вас обидел? – начинает хмуриться Кирилл.

– Хотите, мы его накажем? – ещё один вопрос прилетает от Ярослава.

– Хотя, зачем наказывать, – я не успеваю даже ответить, как слышу слова Кирилла. – Мы просто украдём вас и всё.

– Поддерживаю! – довольно кивает Ярослав, и мы подходим к пешеходному переходу.

– А давайте на такси поедем? – предлагаю мальчикам, понимая, что я выгляжу слишком странно для человека, который может ехать на общественном транспорте.

– Только оплачивать будем мы! – уверенно заявляет Кирилл.

– Мы же всё-таки невесту похищаем, – улыбаясь, кивает Ярослав.

Я только довольно улыбаюсь фантазии мальчишек.

Ох, знала бы я, что это уже точно не фантазия...

Глава 5

Одна Венера и растерянный Князев:

Что можно подумать о рыдающей девушке на диване, особенно после фразы сыновей: «Бать, ты только не нервничай»?

Ничего хорошего! У меня уже перед глазами пробежала половина Уголовного кодекса, причём самые страшные статьи, будто я не отец двух подростков, а глава мафиозного клана. А рыдающая девушка, да ещё и в свадебном платье, вообще неутешительный диагноз всего этого. Сердце колотится так, будто решило устроить марафон прямо у меня в груди.

Так, Тим, только спокойно! Глубокий вдох... выдох... То, что ты мысленно разговариваешь сам с собой уже несколько лет, вполне нормально. Это мой спасательный круг в этом бушующем море безумия. Так что сейчас мне нужно просто переждать. Так же вроде успокаиваются девочки? Или это только в фильмах так?

Оказывается, я совершенно забыл, как ухаживать за противоположным полом, а как успокаивать, так подавно! В голове крутится только: «Вам нужна помощь? Вы только не плачьте», но звучит это так фальшиво, что даже я себе не верю.

Осматриваю гостиную снова, пытаюсь подметить хотя бы малейшие следы борьбы, может, тут был спецназ, а я пропустил? Но ничего нет. Зато на невысоком столике стоит полный стакан воды.

Кто-то из пацанов принёс? Вполне возможно, учитывая, что девушку накрыло явно не только... Может, они ещё и чай предлагали? Боже, что у них в головах?

Набираю в грудь побольше воздуха, кажется, будто лёгкие сейчас лопнут от напряжения, и, дотянувшись до стакана с водой, протягиваю его девушке, аккуратно трогая её за плечо. Ладонь слегка дрожит, ну да, кто бы тут был спокоен?

Она вздрагивает, но руки не убирает от лица. Одно радуется: скуление прекращается. В груди чуть отступает ком. Может всё не так и страшно.

А пальчики у неё тоненькие, с коротким маникюром, без этих новомодных ярких лаков на них. Да и волосы собраны в аккуратный низкий хвост. Она и правда слишком миниатюрная по сравнению со мной, как хрупкая фарфоровая кукла, которую боишься сломать одним неосторожным движением.

Но я жду, когда она уберёт руку от лица, а она всё не спешит. В висках стучит: «Ну же, давай, посмотри на меня, может, тогда я пойму, что тут вообще происходит?»

— Водички хотите? — решаюсь всё же заговорить первым, стараясь, чтобы голос не звучал грубо.

Мне нужно спасти свою семью, сыновей и мои последние нервные клетки, кажется, их осталось не больше десят-

ка. Так что вспоминаем: с женщинами можно разговаривать не только как с коллегами. Только вот как? Мозг судорожно перебирает варианты, но выдаёт только: «У вас красивое платье». Нет, это точно не сейчас.

И тут два пальца отъезжают в сторону, и я снова вижу эти светло-зелёные глазища. А если говорить точно, то глаз вижу только один, но он размером с пятак, и в нём столько боли и обиды, что мне становится не по себе.

— Не смотрите на меня, ик, — всхлипывает и икает это чудо и снова прячет глаза.

— Я спокоен, совершенно спокоен! — произношу с такой уверенностью, что сам почти верю. Почти.

— Если человек говорит так, то спокойствие в нём уже закончилось, — отвечает это чудо сквозь ладоши и снова всхлипывает.

А я только сейчас соображаю, что сказал всё вслух, а не про себя. Точно ретроградный Меркурий, только теперь сто процентов вместо с Луной в созвездии Собаки одновременно! В голове мелькает: «Тим, ты точно гений. Успокаиваешь девушку, а выглядишь как псих, разговаривающий сам с собой».

— Девушка, давайте поговорим с вами как взрослые люди, — поднимаюсь на ноги и, отойдя к креслу, которое стоит с другой стороны журнального столика, присаживаюсь. Стараюсь принять максимально невозмутимый вид, хотя внутри всё трясётся.

Вот чую, что сейчас на меня вывалют всё, чего я точно не ожидаю. В животе завязывается тугой узел тревоги: «Только не говори, что это твоя свадьба, и мои пацаны тебя сюда притащили вместо жениха...»

— Мне сначала нужно в ванную, — пищит это облачное чудо и резко поднимается с дивана. — Ой, мамочки!

И снова шлёп! Зараза, за ноги я так и забыл, когда она разрыдалась. Ну теперь хотя бы не лицом. Сердце подскакивает к горлу. Блин, только покалечить её осталось!

И снова я подхватываю её под мышки, поднимая с пола, вот только теперь она смотрит на меня обиженно. Даже зло. И в этом взгляде читается: «Да как ты вообще существуешь в этом мире?»

— Вы почему не развязали мне ноги? — строго спрашивает девушка.

— Потому что вы заплакали, — отвечаю невпопад, чувствуя, как краснеют уши.

Ну да, гениальный ответ, Тим. Прямо Нобелевская премия по логике.

— Что вы за отец такой, что не можете довести дело до конца? — А вот это уже перебор. — Сначала детей самостоятельно отправляете на тренировку. И вообще, чему вы их учите? Как похищать приличных девушек? Вы бандит?

— Выдыхай, космическое создание, — чуть сильнее сжимаю плечи девушки и опускаю свою голову, чтобы заглянуть в её глаза. В них всё ещё обида, но уже мелькает что-то вроде

любопытства. — Мои дети могут самостоятельно добраться, куда нужно. А то, что они сбежали от водителя, не означает, что я плохой отец. А вот тебе было бы лучше представиться, — последнее уже говорю, понимая, что снова злюсь и с пацанами будет не просто серьёзный разговор. В голове уже рисуются сценарии, как сначала я их поймаю, потом объясню, что похищать людей — это не тренировка...

Интересно, можно где-то достать датчики на ноги или на руки пацанам, которые они не смогут сами снять? Буду отслеживать их так! Мысленно добавляю в список покупок: «Датчики GPS для двух несовершеннолетних террористов».

— Венера Викторовна Лебедева, — гордо отвечает девушка, а я зависаю.

Мозг отказывается обрабатывать информацию. Венера? Серьёзно? Как планета? В моём доме? В свадебном платье? Да не может этого быть? Ну как так? Как космические тела попали в мой дом? Может, она с другой планеты? Или это розыгрыш? Или я всё-таки сошёл с ума?

И тут я слышу, как открывается входная дверь, и громкий голос моей родительницы возвещается на весь дом:

— Мальчики, бабуля приехала! Что там за срочное дело? Ой! — Последнее уже раздаётся где-то за спиной.

Значит, мама заметила меня и это облако — Венеру. По спине пробегает холодок. Ну всё, Тим. Теперь у тебя два фронта: обиженная девушка и мама с её вечными советами.

— А это кто, сынок? — Голос мамы чуть дрожит, но от

этого напряжение становится только сильнее. В воздухе повисает тяжёлый вопрос: «Что тут происходит?»

— Венера, мам, — отвечаю, не сводя взгляда с перепуганной девушки. — Викторовна Лебедева.

— А почему она в свадебном платье? — А вот это мама говорит осторожно, но в глазах уже читается: «Сын, ты опять что-то натворил?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.